

Игумен Виталий (И. Н. Уткин)

РОССИЙСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ СВЯТОГО ИОАННА БОГОСЛОВА,
МОСКВА, РОССИЯ

Проект Вселенского собора как пространство обновленческой утопии (по материалам «Вестника Священного синода православной российской церкви»)

Аннотация. В статье анализируется стратегический замысел обновленческого движения 1920-х годов в СССР — кардинальная трансформация вселенского Православия, а затем и мирового христианства через механизм регулярно созываемых и демократически избранных «вселенских соборов». При созыве «вселенского собора» обновленцы предполагали первоначально опираться на греческих реформаторов, однако затем планировали, используя государственный ресурс СССР, включиться в процесс мировой революции через тотальную ревизию христианства. Это был своеобразный мессианский проект

сакрализации революционного Модерна. Предполагалось, что институт «вселенских соборов» станет завершающим элементом церковной выборной демократии. Начать предполагалось с легализации на вселенском уровне решений так называемого Второго Всероссийского поместного собора 1923 года, введшего женатый епископат и второбращение духовенства. Однако планы обновленцев были гораздо обширнее. Обсуждались стратегии перманентного изменения церковного Предания, полная трансформация канонического права, создание нового «официального исповедания веры» и в конечном счёте упрощение догматики до формулы «Иисус Христос есть Сын Божий». Планируемый «вселенский собор» не был бы подлинным Вселенским собором, однако в случае единодушия сформировавших его Поместных Церквей мог бы стать важнейшим инструментом слома мирового Православия. Но позиция новомучеников и исповедников Церкви Русской, даже после смерти Патриарха Тихона категорически отказывавшихся обсуждать вопрос об объединении с так называемой Р.П.Ц. (Российской православной церковью), привела к невозможности для обновленцев представить себя перед лицом мира русской церковной полнотой. Тем самым подвиг исповедничества стал и спасением Православия.

Ключевые слова: обновленчество, Вселенский собор, реформа, трансформация Православия, каноническое право, догматы, символ веры, советская власть, мессианство, предсоборная комиссия, новомученики и исповедники

Для цитирования: Виталий (Уткин И. Н.), игум. Проект Вселенского собора как пространство обновленческой утопии (по материалам «Вестника Священного синода православной российской церкви») // Ортодоксия. — 2025. — № 4. — С. 52–75. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-4-52-75

Русское обновленческое движение 1920-х годов выдвинуло амбициозную идею «воскрешения христианства». Обновленчество рассматривалось не только как церковное явление, но в качестве ключевой исторической силы, призванной в соединении с социальным переворотом переустроить весь мир на «христианских» началах. Как считали обновленцы, для этого необходимо вернуть само христианство к его «апостольским» истокам, про-

вести тотальную ревизию Предания. Средством же такой трансформации должны стать периодически собираемые «вселенские соборы», демократические органы, представляющие все Поместные церкви.

Источником анализа обновленческого дискурса 1923–1926 годов в настоящей статье служат материалы ведущего органа Российской православной церкви¹ «Вестник Священного синода православной российской церкви» (См.: Троицкий 2004: 44–45).

Базовые основы идеологии, сформулированной в них, хорошо реконструируются на примере текстов одного из наиболее ярких обновленческих идеологов, доктора церковной истории, профессора Санкт-Петербургской духовной академии, члена Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 годов, члена президиума обновленческого Священного Синода, будущего заместителя бургомистра в немецкой оккупационной администрации Луги в годы Великой Отечественной войны Бориса Васильевича Титлина.

В 1925–1926 годах он напрямую связывал судьбу христианского мирового переустройства с большевистской революцией. Позиция Титлина ярко выражена в его текстах, опубликованных в главном обновленческом органе «Вестник Священного синода православной российской церкви», таких, например, как «Единое христианство» (1925) и «Смысл обновленческого движения в истории» (1926).

С точки зрения автора, Октябрьская революция «совершила переворот мирового значения», который превратит человечество в «братский союз народов», обеспечит торжество «подлинной справедливости» в общественной жизни. Титлинов писал, что «революционный метод борьбы за человеческое благо... оправдал себя и действительно дал то, к чему стремилось человечество», «открыл дорогу ко всеобщему счастью» (Титлинов 1926: 4).

Русское обновленчество, считал он, должно было придать этим грандиозным процессам христианское измерение. Титлинов заявлял о необходимости «поднять знамя создания христианского общества», которое, по его словам, «бросила историческая церковь», и «осуществить христианскую правду» в человеческих отношениях (Титлинов 1926: 4). Он не только настаивал на необходимости «мирно овладеть социалистическим движением», чтобы избежать изоляции церкви в «строящемся

¹ Обновленческая структура, оформленная на так называемом Втором Всероссийском Поместном соборе 1923 года.

социалистическом обществе» (Титлинов 1925: 8), но и выдвигал проект нового, социально-ориентированного христианства, которое объединило бы все основные христианские конфессии.

Русское обновленчество, по его словам, должно стать основой всемирной «партии Христа», «духовным арбитром», дающим «религиозно-моральную» оценку мировым событиям, средством преодоления «всесобщего христианского распада», вызванного, по его мнению, связью исторических церквей с «капитализмом» и «старым миром». Оно должно «явить миру Христа» во второй раз в очищенном от традиционных конфессиональных «цепей» виде. Именно поэтому с судьбами обновленчества, по его словам, связана судьба не только Православия, но и всего христианства (Титлинов 1926: 4).

Таким образом, один из ведущих идеологов обновленческого движения предлагал не просто реформировать Церковь, но сделать её силой радикального переустройства мира. По сути, это была системная попытка сакрализации Модерна, призванная освятить его базовые ценности, в первую очередь разрыв с Традицией.

Обновленцы предлагали радикальный диагноз для «исторического христианства». Титлинов пишет о «преступном союзе» Церкви и государства, объявляет всю послеконстантиновскую эпоху периодом «измены» и «преступления» против евангельских истин. Помимо рассуждений в мировом масштабе, здесь был ещё и внутрироссийский интерес. Характерно, что своих церковно-политических противников, последователей скончавшегося на Благовещение 1925 года святителя Тихона, патриарха Московского, так называемых тихоновцев, Титлинов объявлял прямыми наследниками преступной эпохи, «искажением подлинной Церкви Христовой» (Титлинов 1926: 3).

Б. В. Титлинов выстраивал парадоксальную концепцию: революция, боровшаяся с религией, на самом деле исполняет заветы Христа. А обновленчество, «напомнивши миру, что на самом деле Христос уже давно запретил то, против чего идёт современная воля, сделало колossalное апологетическое завоевание» (Титлинов 1926: 4).

Другой лидер и идеолог обновленчества «митрополит-благовестник» Александр Введенский в своём докладе «Апологетическое обоснование обновленчества» (1925), также опубликованном в «Вестнике Священного синода православной российской церкви», утверждал, что «церковь заслуженной обновленчества» «сделалась внеполитичной, точнее надполитичной». Введенский подчёркивал неразрывную, по его мнению, связь подлинного

христианства с социализмом, так как «освобождение Христа от конфессиональных алтарей и от капиталистических золотых цепей» — это «величайший дар любви, который обновленчество положило к подножию Вселенского престола Вседержителя». Он называл Христа «осудителем всего мирового зла». Русские обновленцы, утверждал Введенский, «спасут» христианство «во всемирном масштабе», а Москва станет «вселенским религиозным центром» (Введенский 1925: 20–21).

По сути, обновленцы предложили своеобразную антитезу русской церковно-политической идеи «Третий Рим», выстраивая своё мессианство на основе предполагаемой всемирной социалистической революции, лидером которой в тот период считал себя СССР. Мессианская претензия требовала кардинального пересмотра основ исторического христианства, которое обновленцы считали не соответствующим духу времени. Идеологи движения последовательно проводили линию на минимизацию и ревизию церковного Предания, догматики и канонического права.

Одним из профессоров обновленческого Богословского института был бывший член Санкт-Петербургского религиозно-философского общества священник Иродион Доментьевич Холопов. В своей статье «Современные проблемы христианства» (1926), опубликованной в обновленческом «Вестнике Священного синода православной российской церкви», он заявлял о системном кризисе христианства, для которого в условиях грандиозных социальных преобразований «не остается никакого места в истории... в нём нет нужды» (Холопов 1926: 21). Поэтому, с его точки зрения, нельзя говорить о сохранении «исторического христианства», а нужно искать «новые перспективы зарождения веры», найти для её выражения «законченную формулу», пересмотрев для этого завещанное «историческим христианством» наследие. С точки зрения Холопова нужно не предаваться паническим настроениям, а активно меняться самим (Холопов 1926: 21).

Такую новую законченную формулу в своей статье «Проблема соединения церквей» (1926), опубликованной в «Вестнике Священного синода православной российской церкви», дал Василий Дмитриевич Попов. Это профессор Киевской духовной академии, член Всероссийского Поместного собора 1917–1918 годов, в составе которого он являлся секретарём комиссии по реформе духовных академий. В своей статье Попов рассматривал все существующие христианские конфессии исключительно как продукт исторического развития, «особые индивидуальные типы усвоения

христианства, сложившиеся под влиянием суммы разнообразных этнографических, культурных, политических, бытовых и других исторических условий» (Попов 1926: 6). Он играл словами, утверждая, что нельзя добиться «соединения» этих конфессий, но можно достичь их «единения» «в духе общения во Христе и братской любви» (Попов 1926: 9).

Для этого, считал бывший секретарь комиссии по реформе духовных академий, необходимо радикально упростить догматические основания всех христианских конфессий, свести их к изначальной базе. Он писал, что «в день сошествия Святого Духа... не было ни катехизиса, ни какой-либо книги догматического богословия», и предлагал для будущего единения всех христиан «простую догматическую формулу»: «Иисус Христос есть Сын Божий». А все другие пункты вероучения, «не укладывающиеся, при сравнении, в рамки такого тождества» и составляющие сумму «разностей» церквей, необходимо считать «продуктом развития исповеданий в историческом преломлении их судеб». Это обеспечит «свободу» для «поместных и частных церквей» общения между собой, в том числе евхаристического, вне зависимости от собственных исторических особенностей. Тем самым будет создано новое пространство мирового христианства (Попов 1926: 9–10).

Таким образом, всё многовековое догматическое и каноническое наследие Церкви, включая решения Вселенских Соборов, фактически объявлялось необязательным для нового «воскрешённого» христианства. А именно такое «христианство» ведущие обновленческие идеологи и предлагали построить на основе мировой социалистической революции во главе с СССР. Наиболее системно программа ревизии была изложена в области канонического права. На страницах обновленческого «Вестника Священного синода православной российской церкви» в своём «Докладе по каноническим вопросам к третьему Российскому Поместному и будущему Вселенскому соборам» (1925) её изложил профессор Московской духовной академии Александр Иванович Покровский, в 1917 году являвшийся товарищем (заместителем) председателя революционного Всероссийского съезда духовенства и мирян, а затем членом Всероссийского Поместного собора 1917–1918 годов. В своём докладе профессор Покровский развивал теорию так называемого соборно-канонического творчества церкви. Он выделял «евангельские каноны», отделяя их от всех остальных и утверждал доминирование «изменяемого человеческого элемента» в массе «исторических канонов», которые как «скорлупа» покрывают «догматическое зерно» (Покровский 1925: 16–19).

Покровский отрицал абсолютный характер даже апостольских правил, заявляя, что церковь вправе «творить новые каноны», ничем не может быть «связана в свободе своего канонического творчества», так как является «столбом² и утверждением истины» (Покровский 1925: 16–19).

Особенный упор профессор Покровский делал на историческую обусловленность и недействительность в современных условиях канонических норм, выработанных Трулльским Собором 691–692 годов. Такой подход был необходим для легитимизации нарушения так называемым Вторым Всероссийским Поместным собором 1923 года 12-го правила Трулльского Собора, прямо запрещающего женатый епископат. Между тем собор 1923 года ввёл в Р.П.Ц.³ (Российская Православная церковь, обновленческая) «белый брачный епископат», выведя новую обновленческую общность за рамки канонического поля: «Учитывая... и современное положение Русской Церкви, осознать которое монашествующий епископат, за немногими исключениями, оказался неспособным, собор признал решительно необходимым ввести в жизнь белый брачный епископат, наравне с лицами безбрачного состояния» (Поместный собор 1997: 854).

Естественно, что сами обновленческие идеологи, являвшиеся в значительном числе профессорами дореволюционных духовных академий или как минимум имевшие духовное академическое образование, чётко понимали недостаточность аргументации собора 1923 года для перечёркивания норм Трулльского Собора, который традиционно воспринимался в качестве прямого продолжения Пятого и Шестого Вселенских Соборов. Поэтому в обновленческой среде чётко была поставлена проблема необходимости созыва Вселенского собора для кардинального пересмотра как минимум существующих канонических норм. Причём утверждение исторического характера таких норм давало возможность ставить вопрос не о разовом, а о непрерывном их пересмотре под динамично меняющимся обстоятельства, особенно на фоне ожидавшейся в ходе мировой революции грандиозной социалистической трансформации человеческой цивилизации. То есть собрания представителей Поместных церквей, именуемые обновленцами «вселенскими соборами», должны были стать регулярно созываемыми.

² Именно так в тексте, а не «столпом», как в синодальном переводе (1 Тим. 3: 15). Как минимум перед нами свидетельство уровня корректуры и редактуры обновленческого «Вестника».

³ Так в 1923 году по образцу аббревиатуры Р.С.Ф.С.Р. стала именовать себя сложившаяся на соборе 1923 года обновленческая Российская Православная церковь. Поэтому эта старая обновленческая аббревиатура недопустима для Российской Православной Церкви Московского Патриархата.

Тот же профессор А. И. Покровский в своём программном докладе по каноническим вопросам вполне в духе русского церковно-демократического движения всей первой четверти XX века объявлял отсутствие соборов «показателем застоя и паралича церковной жизни». Он делает акцент на «перерыв» в двенадцать с половиной веков в «регулирующей деятельности вселенских соборов». Из-за этого, по его словам, «в поместных церквях православия немало накопилось таких вопросов, которые или превышают их компетенцию, или не получают у себя достаточно исчерпывающего, а главное — для всех авторитетного разрешения, для чего необходим соборный разум и верховный авторитет всей вселенской церкви» (Покровский 1925: 14).

Как видим, профессор Покровский прямо призывал к ревизии всех вообще норм канонического права, которую и должен, с его точки зрения, осуществить Вселенский собор.

Серьёзной церковно-исторической проблемой является выявление преемственности или отсутствия таковой между решениями Всероссийского Поместного собора 1917–1918 годов и обновленческих так называемых Второго Всероссийского Поместного собора 1923 года и Третьего Поместного собора Православных церквей на территории СССР 1925 года. Автор настоящей статьи считает, что такая преемственность есть не только в кадровом составе, но и в самой сути решений, связанных с церковным устройством, за исключением Патриаршества, которое, как известно, было «упразднено» обновленцами на соборе 1923 года, «белого епископата», отношения к мощам и монастырям. Главная линия этих соборов (опять же, за исключением Патриаршества, бросавшего вызов церковно-демократической системе) — коллегиальность управления.

Вершиной развития этой внутрицерковной тенденции первой четверти XX столетия, с точки зрения автора статьи, можно считать уставные нормы обновленческого собора 1925 года. Согласно им приходская община избирает настоятеля храма и членов притча. Епархиальные епископы избираются епархиальным съездом из представителей приходов. Раз в три года должен собираться демократически избранный из представителей епархий Поместный собор, который избирает в качестве «исполнительного органа» Священный синод. Синод выделяет из своих членов постоянный Президиум для повседневной деятельности (Деяния 1925: 25–30).

Вселенский собор в этой системе становится естественным следствием церковной демократии, именуемой обновленцами «соборностью».

Делегация на него также демократично должна формироваться на Поместном соборе и следовать наказу, разработанному Поместным собором.

Как видим, идеи радикальной церковной реформации, выдвинутые обновленцами, требовали для своей легитимации и воплощения особого, высшего института власти в Православии. Таким универсальным инструментом, по их убеждению, должен был стать Вселенский собор. Его подготовка, его многократно анонсируемый созыв и напряжённое ожидание стали лейтмотивом и смысловым стержнем деятельности обновленческих структур на протяжении 1920-х годов.

Первой и знаковой вехой в этой истории стало совещание в Константинополе 10 мая — 8 июня 1923 года, созванное по инициативе патриарха Мелетия IV (Метаксакиса). Несмотря на малочисленность участников, что позволило многим современникам и историкам именовать его не собором, а лишь «Всеправославным конгрессом», это собрание приняло ряд кардинальных решений. Конгресс санкционировал переход на новый (григорианский) календарный стиль, заявил о допустимости второго брака для вдовых священников и диаконов и, что наиболее важно, официально провозгласил необходимость созыва полноценного Вселенского (Всеправославного) собора в 1925 году (Якимчук 2005: 680–683).

Поразительное смысловое и хронологическое совпадение этих решений с постановлениями прошедшего почти одновременно, сразу перед греческим «конгрессом» в Москве «Второго Всероссийского поместного собора» обновленцев (29 апреля — 9 мая 1923 года) не могло не броситься в глаза современникам. Московский собор также принял решения о переходе на новый стиль, допустимости второбрачия для духовенства и провозгласил «равночестность» безбрачного и женатого («белого») епископата (Поместный 1997: 844–867).

Даже несмотря на то что конгресс Мелетия выразил «скорбь» по поводу лишения сана патриарха Тихона московским обновленческим собором, общая реформаторская направленность и конкретные решения демонстрировали явную идейную близость. Для обновленцев это совпадение стало мощным аргументом в пользу их собственной «вселенской» значимости и правильности избранного курса.

Для обновленцев Вселенский собор нужен был не только в качестве силы, осуществляющей мессианские ожидания по всемирному «христианско»-социалистическому перевороту, но и в качестве

важнейшего средства их собственной легитимации. Будучи реально расколом внутри русского Православия (несмотря на претензии представлять собой всю русскую церковную полноту) и не имея за собой многовековой традиции или широкого народного признания, обновленцы остро нуждались во внешнем авторитете, который мог бы освятить их статус как канонической церковной власти. Таким авторитетом в их глазах выступало мировое, и в первую очередь греческое, православие в лице Константинопольского патриархата. Установление и демонстрация прочной связи с ним превратились в вопрос выживания и политической целесообразности внутри СССР. Уже в 1923 году в «Послании Священного Синода всем Восточным Патриархам», опубликованном в самом первом номере «Вестника Священного синода православной российской церкви», выражалась «глубокая скорбь» от того, что «катастрофические потрясения в церковной и политической жизни» вызвали «прекращение общения с нашей Великой Матерью Вселенской Константинопольской Церковью». Члены обновленческого Синода подчёркивали свою якобы ортодоксальность, заявляя, что никогда не «оторвутся» от «православного Востока» (Послание 1923: 1–3).

Одновременно обновленцы активно создавали впечатление, что «православный Восток» уже принял их сторону. В самом первом из вышедших номеров их «Вестника» отдельной заметкой подчёркивалось, что «Восточная церковь не признаёт Тихона», а представители константинопольского и александрийского патриархов якобы заявили обновленческому Синоду, что признают его «единственным органом церковного управления российской православной церкви» (Восточная 1923: 30). Таким образом, Вселенский собор, инициированный Константинополем, виделся не только инструментом реформ, но и трибуналом, дающим окончательную легитимацию русским обновленцам, резко усиливающим их позиции в противостоянии с «тихоновцами».

После избрания в 1924 году патриарха Константина VI и его заявления о созыве собора на Пятидесятницу 1925 года в Иерусалиме ожидания обновленцев достигли пика⁴.

Обновленческий «Вестник» опубликовал «Программу работ будущего Вселенского Собора 1925 года» в Святом граде Иерусалиме,

⁴ Шкаровский М. В. Отношения Константинопольского патриархата и Русской Церкви в 1917 — начале 1930-х гг. // Санкт-Петербургская духовная академия. Официальный сайт. — URL: <https://spbda.ru/publications/m-v-shkarovskiy-otnosheniya-konstantinopolskogo-patriarhata-i-russkoy-cerkvi-1917-nachale-1930-h-gg/> (дата обращения: 05.09.2025).

предполагавшую не просто технические изменения, но тотальную ревизию: пересмотр канонического права, «критики богословов на догматы веры», символических книг, учения о таинствах с целью выработки нового «официального исповедания» (Программа 1925: 2). Собор в итоге не состоялся, но подробное обсуждение обновленческими идеологами предполагаемых реформ вполне характеризует их реформаторско-мессианские планы.

В 1926 году обновленцы публикуют «Обращение предсоборной комиссии ко всем христианам», где с пафосом заявляют, что в 1926 году на Афоне «созывается 8 Вселенский Собор», призванный разрешить вопрос об «общении и единении... со всеми христианскими Церквами». Обращение, апеллируя к «соборному разуму и Духу Святому», призывает всех христиан принести любые недоумения на суд собора и не верить «слухам» об его отмене (Обращение 1926: 23).

Обновленческим Священным синодом была сформирована предсоборная комиссия. Она прямо настаивала на «видоизменяемости канонического права», возможности его трансформации под «местные условия каждой церкви», особенно применительно к «практике и потребностям Русской церкви». Фундаментальными для работы комиссии стали не только принцип ревизии канонического права, но даже «догматическое» «творчество» и его «продолжаемость⁵ в церкви» (Предсоборная 1925: 3).

Опубликованная в «Вестнике Священного синода православной российской церкви» «Программа работ будущего Вселенского Собора 1925 года в Святом граде Иерусалиме», подписанная константинопольским представителем архимандритом Василием (Димопул), представляла собой не план косметического ремонта, а проект тотальной перестройки всего мирового Православия.

Несмотря на формальное утверждение о «незыблемости» догматов семи реальных Вселенских Соборов, говорилось о необходимости пересмотра предстоящим собором «символических книг Православия (исповедания Митрофана Критопуло, Петра Могилы, Синода в Яссах и других)», поскольку они «содержат толкования и взгляды на догматы, сложившиеся после Вселенских соборов». Та же участь готовилась и «различным учениям Православной Церкви до и после падения Константинополя (например, таинства, о пресуществлении и др.)» (Программа 1925: 2). Более того, программой предполагалось создание нового «официального

⁵ Именно так в источнике.

исповедания Православной Веры» (Программа 1925: 2), что уже само по себе было вызовом непререкаемому авторитету Никео-Цареградского Символа веры.

Обновленческая предсоборная комиссия намеревалась обсуждать «пределы допустимых в рамках вселенского православия догматических разномыслий» (Предсоборная 1925: 3). Такая формулировка, особенно в контексте призывов со стороны комиссии к «догматическому творчеству», означала радикальный отказ от понимания догмата как раскрытия данной истины и замену его на релятивистский принцип непрерывного человеческого «творчества», адаптирующего веру к «запросам времени». Предполагалось обсуждать также «понимание богоухвоненности Св. Писания» и «неизгладимости благодати таинств» (Предсоборная 1925: 3).

Важное место в планах предсоборной комиссии занимали вопросы самого «принципа каноничности», то есть что считать каноническим, а что нет, и обсуждение различия между «общепризнанными и видоизменяемыми нормами канонического права» (Предсоборная 1925: 3). Такой подход уничтожал саму идею канона как неизменного правила, заменяя его релятивистским критерием сиюминутной «целесообразности» и «местных условий». Практическим шагом должно было стать «кодифицирование общеобязательных канонов» (Предсоборная 1925: 3), то есть создание нового, «очищенного» свода правил, где традиционные нормы, мешавшие обновленческой практике (например, 12-е правило Трулльского Собора о безбрачии епископата), были бы объявлены устаревшими.

Ближайшими задачами по реформе канонического права, выдвинутыми комиссией, были «обоснование практики брачного епископата и второбрачия духовенства» и пересмотр норм брака в условиях господства гражданского брака. Это являлось осознанным и грубым попранием многовековой канонической традиции (Предсоборная 1925: 3).

Предсоборная комиссия настаивала также на необходимости обоснования «принципа богослужебного творчества» и выяснения «пределов обязательной единообразности» в богослужении (Предсоборная 1925: 3), что подрывало сакральную природу литургического предания, превращая его в продукт человеческого творчества.

Таким образом, всё богословское наследие Православной Церкви за последнее тысячелетие объявлялось условным, лишённым окончательного авторитета и требующим переоценки в духе Модерна, с опорой, как мы видели из текстов обновленческих идеологов, на факты социальных

изменений в ходе мировой революции. Это наследие должно было перманентно пересматриваться «соборным разумом» применительно к «текущему моменту». Социальная революция не только надела на ушедшую к обновленцам часть Русской Церкви одежду аббревиатуры «Р.П.Ц.» по образцу «Р.С.Ф.С.Р.», но и задала сами рамки мышления в рамках торжествующего Модерна.

Идеалом обновленцев становилась предельно упрощённая, деисторизованная и институционально гибкая псевдоцерковность. Она мыслилась как сообщество, сознательно освободившее себя от «скорлупы» исторического Предания, догматической сложности и жёстких канонических рамок, в идеале с опорой на простую формулу «Иисус Христос — Сын Божий». По замыслу обновленцев такая «очищенная» Церковь, вернувшаяся к мнимой «апостольской простоте» и поставившая во главу угла социальные лозунги, должна была стать не просто легитимной, но и ведущей силой в новом мире.

Она претендовала на роль духовного проводника в социалистическую эпоху, призванного «христианизировать» социальный переворот и, в свою очередь, черпать в нём силы для собственного «воскрешения». В этой утопии обновленческая «Российская православная церковь» виделась не периферийным явлением, а авангардом всемирного преображения христианства, призванным из Москвы задать новый курс для всего православного мира и даже христианства. И делать это предполагалось через институт Вселенского Собора.

Собрание, именуемое Вселенским Собором, в итоге так и не было созвано ни греками, ни обновленцами. Но если гипотетически предположить такую возможность, действительно ли оно стало бы именно Вселенским собором и было бы вправе реформировать доктрину и каноническое право?

В своём «Курсе церковного права» известный современный канонист протоиерей Владислав Цыпин подробно анализирует феномен Вселенского Собора. На основании экклезиологических принципов, изложенных протоиереем Владиславом Цыпиным, планировавшийся в 1920-е годы частью греческих церковных кругов и русскими обновленцами собор не мог бы быть признан Вселенским по причинам, коренящимся в самой сути этого института.

Главнейшей компетенцией Вселенского Собора, согласно протоиерою Владиславу Цыпину, является «разрешение спорных доктринальских вопросов» и непогрешимое изложение докторатов, данных в Откровении,

с целью защиты истины от ересей. Догматы, сформулированные на Вселенских соборах, «непоколебимы», и любое их нарушение ведёт к осуждению как ересь (Цыпин 2004: 266).

Планировавшаяся обновленцами кардинальная реформа догматики и канонического права по своей цели противоречила сути Вселенского Собора, который призван не реформировать (т. е. изменять) Откровенную истину, а свидетельствовать о ней и защищать от искажений.

Как пишет отец Владислав, Собор имеет право «окончательного, не подлежащего отмене суждения о всяком учении... на тот предмет, соответствует ли оно Преданию или противоречит ему», а не права пересматривать само Предание (Цыпин 2004: 266). Планировавшийся обновленцами и греками собор с самого начала не соответствовал бы критерию, сформулированному преподобным Максимом Исповедником: «Святы и признаны те соборы, которые подтверждены правильностью догматов» (Цыпин 2004: 267–268).

Голос церковного народа является важным свидетельством, хотя и не служит средством окончательной рецепции Вселенского Собора, имеет тем не менее важное значение (Цыпин 2004: 267). Планы реформ (таких, как отмена обязательного безбрачия епископата, второбрачие духовенства, переход на новый стиль, радикальные изменения в богослужении) не имели широкой поддержки в православном народе, вызывали резкое отторжение значительной его части, что предопределило бы невозможность общецерковной рецепции его постановлений. Это характерно не только для России. Даже в отношении к грекам реформаторам после Всеправославного конгресса 1923 года, объявившего о переходе на «новый» стиль, пришлось применять меры принуждения для исполнения этого решения. В России обновленчество и церковное реформаторство тем более не пользовались народной поддержкой. Собор, не получивший признания в подавляющем большинстве Поместных Церквей и среди верующих, не может считаться выразителем голоса всей Церкви.

Вселенский Собор, как отмечает протоиерей Владислав Цыпин, является «высшей инстанцией единой земной Церкви, которая находится под прямым водительством Святого Духа» (Цыпин 2004: 267). Епископы на Вселенском Соборе, по Цыпину, являются «представителями своей Поместной Церкви и выражают не собственные мнения, а свидетельствуют о вере своей Церкви» (Цыпин 2004: 265). Обновленцы же и поддерживающие их греческие реформаторы представляли не веру полноты своих Поместных Церквей, а лишь узкие группы.

Протоиерей Владислав Цыпин отмечает факт созыва всех семи Вселенских Соборов императорами, однако не отрицает возможности нового Собора «по почину иных, собственно церковных инстанций» (Цыпин 2004: 265). Следовательно, отсутствие императора само по себе не было бы препятствием. Ключевая проблема — не в фигуре созывающего, а в природе созывающей инстанции. В случае русских обновленцев это была не общепризнанная церковная власть, а фракция внутри церковного тела, находившаяся в конфликте с каноническим строем.

Исторически, как отмечает отец Владислав, «окончательное признание собора Вселенским принадлежало последующему собору» (Цыпин 2004: 267). И здесь существовала реальная, с точки зрения автора настоящей статьи, опасность перечёркивания всего сказанного выше о невозможности для греческих реформаторов и российских обновленцев собрать Вселенский Собор. Да, по факту догматических и канонических реформ, говоря словами преподобного Максима Исповедника, «святотатственных кощунственных учений» (Цыпин 2004: 267), такой собор реально не был бы Вселенским. Но периодическая череда таких соборов, собираемых, например, раз в пять лет, могла бы, при благоприятных для реформаторов обстоятельствах, привести к насильтственной рецепции их решений и, как результат, к полной трансформации мирового Православия на протяжении буквально нескольких десятилетий.

Однако обстоятельства оказались совершенно иными, нежели ожидали обновленцы в России и греческие реформаторы. Мировая революция не состоялась, социализм стал утверждаться в одной отдельной стране, превратился, по сути, в государственное явление. Развитие СССР со второй половины 20-х годов не требовало никакой особой религиозной легитимации, тем более основанной на мессианских идеях некоего абстрактного «возрождённого христианства».

Сами обновленцы ещё до «года великого перелома» (1929), резко ужесточившего государственно-церковные отношения, были вынуждены констатировать своё весьма непростое положение в СССР. Пока идеологи вроде Титлина писали о «воскрешении христианства» и «историческом перевороте мирового значения», а предсоборная комиссия рассыпала воззвания о грядущем «8-м Вселенском Соборе», высший административный орган обновленческой Р.П.Ц. — пленум Священного синода — обращался к правительству СССР с униженными просьбами: облегчить налогообложение священников, изменить их правовой статус, изменить правовое положение клира в приходах (Обращение 1925: 4).

Бытовая, униженная повестка дня, полная экономических и бюрократических проблем, находилась в абсолютном, почти сюрреалистическом контрасте с пафосом статей о том, что «с судьбой обновленчества связаны судьбы... всего христианства» (Титлинов 1926: 4).

Практика ежедневного выживания в условиях воинствующе атеистического государства беспощадно обнажала утопичность их грандиозных планов. Синод вынужден был бороться не за лидерство в мировом христианстве, а за право священников платить меньше налогов и бесплатно учить своих детей, что являлось красноречивым свидетельством истинного места и возможностей обновленческой церкви в советской системе даже в благополучные для них 1920-е годы.

Оценка планов обновленцев по слому мирового Православия была бы неполной без понимания позиции их главных оппонентов, последователей святителя Тихона, Патриарха Московского, — сторонников канонического строя. Последовательное неприятие обновленчества поколением новомучеников и исповедников Церкви Русской, отказ участвовать в его проектах, в том числе так называемом Третьем Поместном соборе 1925 года, не было упрямством, а являлось единственно верной экклезиологической позицией, продиктованной самой сутью происходившего конфликта.

Обновленческий Синод прямо угрожал тем, кто не присоединится к их «вселенской работе»: «Соборным разумом отсечены будут засохшие ветви от дерева Церкви Христовой» (Воззвание 1925: 2). Под «засохшими ветвями», вне всякого сомнения, понимались «тихоновцы». Эта угроза была не риторической фигурой, а планом использования высшего авторитета планируемого Вселенского собора для придания легитимности полному отлучению (анафеме) канонической Церкви. Участие в таком соборе означало бы для «тихоновцев» молчаливое признание права этого органа пересматривать основы веры и «отсекать» верных ей.

Для обновленцев «единство» означало капитуляцию оппонентов и принятие их революционной программы. Любое «воссоединение» на этих условиях было бы не миром, а самоубийством Церкви, означавшим признание легитимности догматического и канонического ревизионизма. «Тихоновцы» стояли перед выбором: либо быть объявленными «засохшими ветвями», сохранив верность Преданию, либо «привиться» к обновленческому дереву ценой отказа от самой природы Православия.

Подвиг исповедничества стал срывом планов ликвидации мирового Православия. Если бы российские православные действовали в единстве

по планам обновленческих идеологов, да ещё с опорой на мощную силу мировой революции (которой, по Промыслу Божию, не случилось), то, как уже отмечалось выше, сообщество Православных Поместных Церквей могло бы оказаться как минимум в огромной опасности тотального размывания своих основ.

Непримиримая позиция «тихоновцев», их готовность к гонениям, тюрьмам и смерти, но не к признанию раскола, имела промыслительное значение. Их сопротивление лишало любой «вселенский» форум с участием лишь обновленцев и их союзников легитимности и вселенского представительства. Без участия крупнейшей по численности Русской Церкви в её каноническом виде такой собор превращался бы во внутреннее собрание одной группировки, неспособное говорить от имени всего мирового Православия. Стойкость исповедников стала живым свидетельством того, что истинная Церковь сохраняет верность Христу, даже будучи гонимой и объявленной маргинальной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Введенский, Александр, митр. Апологетическое обоснование обновленчества (Доклад наplenуме Св. Синода 27 января 1925 года) // Вестник Священного синода православной российской церкви. — 1925. — № 1. — С. 18–28.

Воззвание Священного Синода // Вестник Священного Синода православной российской церкви. — 1925. — № 1. — С. 1–2.

Восточная церковь не признаёт Тихона // Вестник Священного синода православной российской церкви. — 1923. — № 1. — С. 30.

Деяния III Поместного собора Православных церквей на территории СССР // Вестник Священного синода православной российской церкви. — 1926. — № 6 (2). — С. 1–32.

Обращение к правительству СССРplenума Св. Синода 27–31 января 1925 г. // Вестник Священного синода православной российской церкви. — 1925. — № 1. — С. 3–4.

Обращение предсоборной комиссии ко всем христианам // Вестник Священного синода православной российской церкви. — 1926. — № 5 (1). — С. 23.

Покровский А. И. Доклад профессора А. И. Покровского по каноническим вопросам к третьему Российскому Поместному и будущему Вселенскому соборам // Вестник Священного Синода православной российской церкви. — 1925. — № 4. — С. 14–24.

Поместный собор Российской Православной церкви 1923 года (обновленческий). Бюллетени // История Русской Православной Церкви. Новый патриарший период. Т. 1. 1917–1970 / под ред. М. Д. Данилушкина. — СПб. : Воскресение, 1997. — С. 842–867.

Попов В. Д. Проблема соединения церквей // Вестник Священного синода православной российской церкви. — 1926. — № 5 (1). — С. 5–10.

Послание Священного Синода всем Восточным Патриархам // Вестник Священного синода православной российской церкви. — 1923. — № 1. — С. 1–3.

Предсоборная комиссия // Вестник Священного синода православной российской церкви. — 1925. — № 1. — С. 2–3.

Программа работ будущего Вселенского Собора 1925 года в Святом граде Иерусалиме // Вестник Священного синода православной российской церкви. — 1925. — № 1. — С. 2.

Титлинов Б. В. Единое христианство // Вестник Священного синода православной российской церкви. — 1925. — № 4. — С. 8–9.

Титлинов Б. В. Смысл обновленческого движения в истории // Вестник Священного синода православной российской церкви. — 1926. — № 5 (1). — С. 1–4.

Троицкий Александр, свящ. Вестник Священного Синода православных церквей в СССР // Православная энциклопедия. — Т. VIII. — М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. — С. 44–45.

Холопов И. Д. Современные проблемы христианства // Вестник Священного синода православной российской церкви. — 1926. — № 5 (1). — С. 20–21.

Шкаровский М. В. Отношения Константинопольского патриархата и Русской Церкви в 1917 — начале 1930-х гг. // Санкт-Петербургская духовная академия. — Официальный сайт. URL: <https://spbda.ru/publications/m-v-shkarovskiy-otnosheniya-konstantinopolskogo-patriarhata-i-russkoy-cerkvi-v-1917-nachale-1930-h-gg> (дата обращения: 05.09.2025).

Якимчук И. З. Всеправославный конгресс // Православная энциклопедия. — Т. IX. — М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. — С. 680–683.

Сведения об авторе:

Игумен Виталий (Игорь Николаевич Уткин) — кандидат политических наук, доцент кафедры богословия Российского православного университета святого Иоанна Богослова, секретарь Архиерейского совета Ивановской митрополии, 127051, Россия, Москва, Крапивенский пер., 4, e-mail: inok_vitl@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 08.11.2025; одобрена после рецензирования 12.11.2025; принята к публикации 20.11.2025.

Hegumen Vitaly (I. N. Utkin)

RUSSIAN ORTHODOX UNIVERSITY OF SAINT JOHN THE DIVINE,
MOSCOW, RUSSIA,

The Project of an Ecumenical Council as a Space of Renovationist Utopia (Based on Materials from the “Bulletin of the Holy Synod of the Orthodox Russian Church”)

Abstract. This article analyzes the strategic vision of the Renovationist movement in the USSR during the 1920s, which sought a radical transformation of global Orthodoxy (and subsequently of world Christianity) through the mechanism of regularly convened and democratically elected “ecumenical councils”. Initially, the Renovationists planned to rely on Greek reformers when convening such a council. Later, however, they envisaged using the state resources of the Soviet Union to integrate this project into the broader process of world revolution through a comprehensive revision of Christianity. In this sense, the initiative functioned as a messianic project aimed at sacralizing revolutionary modernity. The institution of the “ecumenical

council” was conceived as the final stage in the construction of a system of ecclesiastical electoral democracy. The project was to begin with the ecumenical legitimization of the decisions of the so-called Second All-Russian Local Council of 1923, which introduced a married episcopate and permitted second marriages for clergy. However, the Renovationists’ ambitions extended much further. Their proposals included strategies for the permanent transformation of Church Tradition, a complete restructuring of canon law, the creation of a new “official confession of faith”, and, ultimately, the reduction of dogma to the minimalist formula “Jesus Christ is the Son of God”. Although the planned “ecumenical council” would not have been a genuine Ecumenical Council in the canonical sense, unanimous support from the participating Local Churches could have made it a powerful instrument for dismantling global Orthodoxy. Nevertheless, the uncompromising stance of the New Martyrs and Confessors of the Russian Church (who, even after the death of Patriarch Tikhon, categorically refused to consider union with the so-called Renovationist “Russian Orthodox Church”), prevented the movement from presenting itself as the legitimate fullness of the Russian Church before the wider Christian world. In this way, the act of moral courage of these figures became a means of preserving Orthodoxy itself.

Keywords: Renovationism, ecumenical council, reform, transformation of Orthodoxy, canon law, dogma, creed, Soviet state, messianism, pre-conciliar commissions, New Martyrs and Confessors

For citation: Vitaly, (Utkin, I. N.), Hegumen. (2025). The Project of an Ecumenical Council as a Space of Renovationist Utopia (Based on Materials from the “Bulletin of the Holy Synod of the Orthodox Russian Church”). *Orthodoxia*, (4), 52–75. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2025-4-52-75

REFERENCES:

Deyaniya III Pomestnogo sobora Pravoslavnnykh tserkvey na territorii SSSR [Acts of the III Local Council of Orthodox Churches in the Territory of the USSR]. (1926). *Vestnik Svyashchennogo sinoda pravoslavnoy rossiyiskoy tserkvi* [Bulletin of the Holy Synod of the Orthodox Russian Church], 2(6), 1–32. [In Russian].

Kholopov, I. D. (1926). Sovremennyye problemy khristianstva [Contemporary Problems of Christianity]. *Vestnik Svyashchennogo sinoda pravoslavnoy rossiyskoy tserkvi* [Bulletin of the Holy Synod of the Orthodox Russian Church], 1(5), 20–21. [In Russian].

Obrashcheniye k pravitel'stu SSSR plenuma Sv. Sinoda 27–31 yanvarya 1925 g. [Appeal to the Government of the USSR by the Plenum of the Holy Synod, January 27–31, 1925]. (1925). *Vestnik Svyashchennogo sinoda pravoslavnoy rossiyskoy tserkvi* [Bulletin of the Holy Synod of the Orthodox Russian Church], 1, 3–4. [In Russian].

Obrashcheniye pred sobornoy komissii ko vsem khristianam [Appeal of the Pre-Council Commission to All Christians]. (1926). *Vestnik Svyashchennogo sinoda pravoslavnoy rossiyskoy tserkvi* [Bulletin of the Holy Synod of the Orthodox Russian Church], 1(5), 23. [In Russian].

Pokrovskiy, A. I. (1925). Doklad professora A. I. Pokrovskogo po kanonicheskim voprosam k tret'emu Rossiyskomu Pomestnomu i budushchemu Vselenskomu soboram [Report of Professor A. I. Pokrovsky on Canonical Issues for the Third Russian Local Council and the Future Ecumenical Council]. *Vestnik Svyashchennogo sinoda pravoslavnoy rossiyskoy tserkvi* [Bulletin of the Holy Synod of the Orthodox Russian Church], 4, 14–24. [In Russian].

Pomestnyy sobor Rossiyskoy Pravoslavnoy tserkvi 1923 goda (obnovlencheskiy). Byulleteni [Local Council of the Russian Orthodox Church of 1923 (Renovationist). Bulletins]. (1997). In *Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi. Novyy patriarshiy period* [History of the Russian Orthodox Church. The New Patriarchal Period] (Vol. 1, pp. 842–867). Saint Petersburg : Voskresenie. [In Russian].

Poslanie Svyashchennogo Sinoda vsem Vostochnym Patriarkham [Message of the Holy Synod to All Eastern Patriarchs]. (1923). *Vestnik Svyashchennogo sinoda pravoslavnoy rossiyskoy tserkvi* [Bulletin of the Holy Synod of the Orthodox Russian Church], 1, 1–3. [In Russian].

Predsobornaya komissiya [Pre-Council Commission]. (1925). *Vestnik Svyashchennogo sinoda pravoslavnoy rossiyskoy tserkvi* [Bulletin of the Holy Synod of the Orthodox Russian Church], 1, 2–3. [In Russian].

Programma rabot budushchego Vselenskogo Sobora 1925 goda v Syatom grade Ierusalime [Program of Works for the Future Ecumenical Council of 1925 in the Holy City of Jerusalem]. (1925). *Vestnik Svyashchennogo sinoda pravoslavnoy rossiyskoy tserkvi* [Bulletin of the Holy Synod of the Orthodox Russian Church], 1, 2. [In Russian].

Shkarovsky, M. V. (2013). Otnosheniya Konstantinopol'skogo patriarkhata i Russkoy Tserkvi v 1917 — nachale 1930-kh gg. [Relations between the Patriarchate of Constantinople and the Russian Church in

1917 — early 1930s]. Saint Petersburg Theological Academy. Official website. URL: <https://spbda.ru/publications/m-v-shkarovskiy-otnosheniya-konstantinopolskogo-patriarhata-i-rossiyskoy-cerkvi-v-1917-nachale-1930-h-gg> (Accessed: 05.09.2025). [In Russian].

Titlinov, B. V. (1925). Edinoye khristianstvo [One Christianity]. *Vestnik Svyashchennogo sinoda pravoslavnoy rossiyskoy tserkvi* [Bulletin of the Holy Synod of the Orthodox Russian Church], 4, 8–9. [In Russian].

Titlinov, B. V. (1926). Smysl obnovlencheskogo dvizheniya v istorii [The Meaning of the Renovationist Movement in History]. *Vestnik Svyashchennogo sinoda pravoslavnoy rossiyskoy tserkvi* [Bulletin of the Holy Synod of the Orthodox Russian Church], 1(5), 1–4. [In Russian].

Troitskiy, A., pr. (2004). *Vestnik Svyashchennogo Sinoda pravoslavnnykh tserkvey v SSSR* [Bulletin of the Holy Synod of the Orthodox Churches in the USSR]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia] (Vol. 3, pp. 44–45). Moscow : Tserkovno-nauchnyy tsentr “Pravoslavnaya entsiklopediya”. [In Russian].

Vostochnaya tserkov' ne priznayet Tikhona [The Eastern Church does not recognize Tikhon]. (1923). *Vestnik Svyashchennogo sinoda pravoslavnoy rossiyskoy tserkvi* [Bulletin of the Holy Synod of the Orthodox Russian Church], 1, 30. [In Russian].

Vozzvaniye Svyashchennogo Sinoda [Appeal of the Holy Synod]. (1925). *Vestnik Svyashchennogo sinoda pravoslavnoy rossiyskoy tserkvi* [Bulletin of the Holy Synod of the Orthodox Russian Church], 1, 1–2. [In Russian].

Vvedenskiy, A., “metr.”. (1925). Apologeticheskoe obosnovanie obnovlenchestva (Doklad na plenum Sv. Sinoda 27 yanvarya 1925 goda) [Apologetic Justification of the Renovationist Movement (Report at the Plenum of the Holy Synod, January 27, 1925)]. *Vestnik Svyashchennogo sinoda pravoslavnoy rossiyskoy tserkvi* [Bulletin of the Holy Synod of the Orthodox Russian Church], 1, 18–28. [In Russian].

Yakimchuk, I. Z. (2005). Vsepravoslavnyy congress [Pan-Orthodox Congress]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia] (Vol. 9, pp. 680–638). Moscow : Tserkovno-nauchnyy tsentr “Pravoslavnaya entsiklopediya”. [In Russian].

About the author:

Hegumen Vitaly (I. N. Utkin) — Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Theology at the Russian Orthodox University of Saint John the Divine, Secretary

of the Bishops' Council of the Ivanovo Metropolia, 4, Krapivensky pereulok, Moscow, Russia, 127051, e-mail: inok_vitl@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 08.11.2025; approved after reviewing 12.11.2025; accepted for publication 20.11.2025.